

ЛОТМАН И ЯКОБСОН: МЕЖДУ «УРОКОМ» И «ЭКЗАМЕНОМ»

Понятия «экзамен» и «урок», которыми Лотман определял отношение Якобсона к сонму бессмертных и отношение живых к ушедшему классику, используются здесь для проверки нашего собственного отношения к Якобсону и Лотману. Различные аспекты их наследия соединяются в идее «романтика в науке»: так Лотман назвал Якобсона, но это определение относилось и к нему самому. В исследовательских подходах Якобсона и Лотмана немало общего; основные различия между ними обнаруживаются в трактовке коммуникации и механизмов перевода. Так, в отличие от Якобсона Лотман настаивает на многоязычии коммуникативных схем и видит креативный смысловой потенциал в ситуациях культурного непонимания и непереводаемости.

Ключевые слова: «романтик в науке», междисциплинарность, многоязычие, перевод и непереводаемость, романтический сциентизм.

Для меня высокая честь открывать Лотмановские чтения, посвященные Якобсону. В них воплощается событие гостеприимства: Якобсон в гостях у Лотмана. В данном случае уже устоявшаяся традиция Лотмановских чтений приглашает нас к размышлению о том, что такое Якобсон, что он значит для нас сегодня, как он помогает нам находить свое место среди таких важнейших и во многом определивших XX век научных течений и тенденций, как структурализм, семиотика, междисциплинарность, возрастающая роль языка и языковых механизмов среди других способов человеческого существования в мире и др.

Романтик в науке

Название моего выступления одновременно энигматическое и абстрактное. Но за ним стоит конкретный текст Лотмана, который подводит нас ко многим вопросам, обсуждающимся на конференции. Поэтому я расскажу о нем подробнее. Этот текст называется «Последний экзамен, последний урок. Несколько слов о Романе Осиповиче Якобсоне». Он впервые вышел на эстонском языке в 1983 г., на русском – в 1995¹. Это некролог, частью которого выступает рассказ о предыстории работы над данным текстом.

Само предложение – написать некролог Якобсону – поначалу показалось Лотману неосуществимым. Он объясняет почему. Легко писать, когда речь идет о человеке, «чей человеческий, научный, творческий путь закончился задолго до того, как жизнь покинула его тело. Но как “подводить итоги” научной деятельности исследователя, который до последних дней напоминал гейзер, готовый в любую минуту взорваться целым извержением гипотез, идей, блестяще подобранных неожиданных фактов?»² Как писать об исследователе, «каждый доклад которого был сенсацией, открытием, разрушал сложившиеся представления и открывал новые научные перспективы?» И далее: «Он никогда не был продолжателем. Даже продолжателем самого себя...»³ Лотман утверждает, что во время их последней встречи в Москве, состоявшейся за два года до этого⁴, Якобсон был точно таким, каким он знал его и раньше: блестящая память, исключительная умственная энергия, новые идеи и никакого следа умственной старости: «Он не кончал путь, он был в пути. Как тут “подводить итоги”?»⁵

Продолжая далее свой рассказ, Лотман вводит понятия, вынесенные в заглавие данной статьи, – «урок» и «экзамен». «Смерть для того, что умирает, – *последний экзамен* (курсив мой. – Н. А.). Умерший уже не среди нас – он среди тех, чьи имена написаны на корешках книг, чьи мысль, труд и вдохновение стоят на полках. Его – по крайней мере, если речь идет об ученом, поэте или мыслителе, – сопоставляют уже не с коллегами по институту или товарищами, как и он, претендующими на место в квартирной очереди или на путевку в дом отдыха [тут мы видим реалии советской жизни, которые умерли вместе с ней. – Н. А.], а с теми, кто ни на что не претендует: с Ньютоном, Пушкиным, Эйнштейном. Как ему там?» Лотман задает этот вопрос риторически и продолжает: «Для тех, кто остался, смерть – *последний урок* (курсив мой. – Н. А.). То, что человек делал, обретает финал, в свете которого его поступки получают новый смысл: жалкий или величественный, но всегда простой

и загадочный одновременно. Этот смысл надо понять. Чтобы понять – надо подумать. Я бы никогда не торопился писать некрологи. Их должно писать время»⁶.

Такова преамбула.

В итоге, признается Лотман, он смог написать этот текст только тогда, когда постиг, как ему кажется, «идею» творческого пути Якобсона – ту, что объединяет столь многое, – его юношеские стихи, работы по фонологии, фольклору, по «Слову о Полку Игореве» и по поэзии Маяковского, по проблемам афазии и функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, по поэзии грамматики и грамматике поэзии. И т. д. Эту идею Лотман формулирует так: «Роман Осипович Якобсон всю жизнь был романтиком в науке»⁷. Заметим: не был когда-то и не стал романтиком, но именно «был всю жизнь...».

Само по себе слово «романтик» (и соответственно «романтизм») достаточно размыто и многозначно. Некогда американский коллега Якобсона физик Виктор Вайскопф сравнивал его с Пикассо, причем главное сходство между тем и другим он видел в окружавшей Якобсона ауре «интеллектуальной интенсивности», которая заставляла всех, кто с ним сталкивался, «вибрировать в резонанс»⁸. А известный психолог Джером Бруннер говорил, что в присутствии Якобсона сознание его собеседника невольно включало режим автоматизма и переключалось в режим радикальной дезавтоматизации, что в общении с ним, о каких бы вещах ни шла речь, всегда присутствовала «драма», т. е. интенсивное человеческое взаимодействие. Наверное, все это – проявления «романтических» личностных качеств и их воздействия на окружающих. Применительно к тому, как Лотман характеризует якобсоновский романтизм, можно выделить несколько разных смыслов идеи романтизма и романтики, прежде всего личностно-характерологический (бунтарский дух, свержение идолов), проблемно-тематический (интерес к динамике и преодолению, связь с искусством), концептуально-стилистический (черты «научного почерка») и др.

Лотман напоминает нам, что лингвист Якобсон сначала имел другое призвание – он был поэтом, и в его творчестве мы видим отчасти искусство, перенесенное в науку. Отсюда – дух бунтарства, свержение идолов как «повседневное занятие», – так было в кружке молодых футуристов, а потом и молодых филологов. Смысл перехода от одного к другому заключался в том, что Якобсон – человек авангардной культуры – трактовал язык Хлебникова и футуристов «не как аномалию, но как последовательную реализацию структуры языка и как импульс дальнейших фонологических ра-

зысканий»⁹ (позже об этом интересно расскажет Борис Михайлович Гаспаров¹⁰).

Некоторые сопоставительные разъяснения своей мысли о Якобсоне-романтике Лотман дает нам, обращаясь к истории поколения ученых – ровесников Якобсона. Исследуя пути ученых, которые вошли в науку одновременно с Якобсоном, часто наблюдаешь, как «юношеский романтизм их научных идей с годами – добровольно или под влиянием обстоятельств – сменялся *научным классицизмом, добропорядочным академизмом, а иногда просто усталостью* (курсив мой. – Н. А.), старые идеи делались привычными, на научных баррикадах 1920-х годов возникали уютные академические квартиры (хотя немало было и могил). Якобсон не старел, не уставал, не делался “добропорядочным” – он был и оставался бунтарем в науке, ниспровергателем, тем, кто будоражит, вносит смуту, не дает уютно устроиться в привычных, обжитых идеях, а тащит в степь, в пургу новых, ошеломляющих и непривычных мыслей и гипотез». Здорово сказано: «тащит в степь, в пургу!» Туда, где ты один, где воют стихии...

Интересно, однако, что наука при этом виделась вовсе «не как сложенный из вековых камней храм, но как *несущийся автомобиль* (курсив мой. – Н. А.) (автомобиль, – уточняет Лотман, – казался тогда пределом техницизма и скорости)»¹¹. Как видим, Лотмана совершенно не смущает такое противоречивое воплощение духа романтизма: он совершенно спокойно соединяет здесь романтические эпитеты с технологическими предметностями. Я подчеркиваю это потому, что в своей интересной статье о московско-тартуской школе Виктор Маркович Живов¹², на которого я буду и далее ссылаться, сделал акцент никак не на романтизме, но, напротив, на «технологизме» и «сциентизме» Якобсона, причем эти качества он равно приписывал и Якобсону, и тартуской школе.

А Лотман заключает свой текст так: «Мне случалось читать медицинские работы, утверждавшие, что талант – это болезнь. Глядя на творческий путь Р.О. Якобсона, хочется сказать, что это болезнь заразительная, куда бы Якобсона ни забросила трудная судьба человека середины XX века, вокруг него неизменно возникал центр мирового значения. Это делает научную биографию Якобсона неделимой от истории гуманитарной науки нашего века»¹³.

Эту идею Якобсона как романтика в науке, как ученого, который одновременно был и поэтом, Лотман проводит по разным уровням, вводит в разные контексты¹⁴. И во всех случаях главное – это идея изменения, стремление понять динамику развития как некий мотор всего сущего.

Первая область, в которой можно это наблюдать, – лингвистика. Прежде всего, по Лотману, это стремление ввести динамику в само понятие структуры языка – характерная черта якобсоновской мысли с самого начала. Так, лингвистический структурализм как авангардное направление в мировой лингвистике 1920–1930-х годов (Пражский лингвистический кружок) отмечен преодолением принципов соссюрианской лингвистики с жестким разделением синхронии и диахронии. В «Принципах исторической фонологии» (опубликованы в Трудах Пражского лингвистического кружка в 1931 г.) Якобсон писал, что «статический срез – фикция», вспомогательный научный прием, а вовсе не способ существования. В целом отношение Якобсона к Соссюру Лотман именуется «героической работой по преодолению Соссюра в рамках соссюрианской традиции»¹⁵. Типичная модель этой динамики – «преодоление»; существуют различные ее разновидности, это может быть, например, «преемственность через преодоление», «продолжение через преодоление» и др. При этом «столкновение и борьба» выступают как «самое плодотворное продолжение традиции». Это, может быть, и не революционная, но все же бунтарская установка. Она может показаться вполне гегелевской, но никогда не предполагает синтеза или тем более синтеза всего ценного и лучшего в духе упрощенного гегельянства.

Вторая область – семиотика. Здесь также Лотман видит у Якобсона идею динамики и конфликтности. На месте статических моделей теории информации у Якобсона возникает картина «взаимоотношений, конфликтов, перекодировок, превращающих семиотическое исследование в динамический портрет духовной жизни общества»¹⁶. Сама идея семиотики как «динамического портрета духовной жизни общества» представляется в своей масштабности некоторым оптимистическим преувеличением, однако она свидетельствует о том, насколько близким Лотману было стремление распространить семиотику на предельно широкие области общественной и культурной жизни.

Романтической чертой «научного почерка» Якобсона Лотман считает его интерес к динамическим взаимосвязям между различными областями знания и культуры. И, стало быть, к междисциплинарности. Речь идет не о разграничении компетенций, но об изучении вторжений каждой области на территорию другой: так, грамматика вторгается в поэтику, поэтика в живопись или кинематограф. Редкое чутье Якобсона к новому Лотман отмечает применительно к различным дисциплинам и на стыках дисциплин (от лингвистики и семиотики до молекулярной генетики и новейших

исследований функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга). Причем Лотман утверждает, что все эти «научные предчувствия» появились у Якобсона уже в начале 1940-х годов (возможно, Лотман имеет здесь в виду работу Якобсона «Детский язык, афазия и всеобщие звуковые законы»).

В целом у читателя возникает впечатление, что Лотман видел или же подчеркивал у Якобсона то, что заставлял в самом себе. Иначе говоря, те черты романтика в науке, которые он приписывал Якобсону, были и чертами самого Лотмана. Причем, как мне представляется, когда Лотман приписывал то или иное качество или склонность Якобсону, это было не натяжкой, но констатацией доказуемого, что далеко не всегда бывает с подобными параллелями¹⁷.

Многоязычие, перевод, неперевоидимость

Среди общих моментов научного романтизма Якобсона и Лотмана мы видим прежде всего новую программу соотношений науки и искусства (по Лотману: наука вторгается в сферу непредсказуемого, которой всегда интересовалось искусство, и это меняет облик науки¹⁸) и глубокое понимание динамики структуры. Оба эти момента могли бы стать предметами отдельного рассмотрения. В этой связи очень важна и трактовка коммуникативного акта. Лотман всячески приветствует момент «конфликтности», «перекодировок» в якобсоновской интерпретации процесса коммуникации, но вносит в нее новый смысловой акцент. А именно акцент на *многоязычии* коммуникации¹⁹. В трактовке этого момента Лотман, можно сказать, отталкивался от Якобсона и *преодолевал* его, если воспользоваться его собственной терминологией. Здесь вот что для нас важно: Лотман не был лингвистом, однако именно он, переходя от анализа литературы к рассмотрению общих механизмов культуры, обосновал необходимость многоязычия как характерной черты культуры и актуальность его введения в трактовку коммуникативного механизма. При этом у Лотмана этот тезис о многоязычии формулируется фактически как критика якобсоновской концепции коммуникативного акта.

Основные моменты этой лотмановской критики Якобсона следующие. В основе якобсоновской схемы коммуникативного акта, по мнению Лотмана, лежит абстракция, предполагающая полную идентичность передающего и принимающего, и именно эта абстракция переносится Якобсоном на языковую реальность. Однако общий язык и одинаковый объем памяти у говорящего и принима-

ющего – это ситуация, которая соответствует, подчеркивает Лотман, не языку, а коду, и такая подмена небезопасна. Прежде всего потому, что код – структура созданная, искусственная, введенная договоренностью, он не подразумевает истории и памяти, тогда как «язык – это код плюс его история»²⁰. Фактически подразумеваемая структура без памяти вполне адекватна для целей передачи информации, но она не сможет выполнять функции, возлагаемые на язык: «эти инстанции общения будут понимать друг друга, но им не о чем будет говорить»²¹.

Однако наиболее значимое отторжение Лотмана от Якобсона логически вырастает из всего того, что ранее говорилось о многоязычии коммуникативного акта, – это проблема перевода и непереводаемости, понимания и непонимания. Насколько я могу судить, у Лотмана эта концепция стала оформляться в последнее десятилетие жизни, уже после смерти Якобсона. Спрашивается: кто тут с кем спорит? Один романтик с другим романтиком? Или, может быть, романтик Лотман спорит с классиком Якобсоном (якобсоновская трактовка перевода, можно сказать, вполне классична)? Как известно, якобсоновская схема, на которую ссылаются все современные исследователи, которые что-либо писали о переводе, объединяет три типа перевода – внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической²². Три способа перевода – это, по Якобсону, три способа интерпретации вербального знака: так, знак может быть переведен в другие знаки того же языка (переименован), переведен на другой язык, наконец, переведен в другую, невербальную систему символов. При внутриязыковом переводе получают синонимичные выражения, которые не являются вполне эквивалентными. При межъязыковом переводе происходит процесс перекодировки (слов или целых сообщений). Наконец, третий вид перевода имеет дело с различными семиотическими системами и потому тем более упирается в вопрос о взаимной переводимости языков и знаковых систем.

Спору нет, процедура перевода в любом случае очень сложна, а потому в наши дни отчаявшиеся преуспеть в этом деле все громче провозглашают тезис о непереводаемости. Якобсон некогда назвал его «догмой непереводаемости»²³. Основной пафос Якобсона в этой статье о лингвистических аспектах перевода заключается в том, что он опровергает эту «догму непереводаемости» доводами из практики межъязыкового перевода: если в языке, на который мы переводим, не находится нужных слов, можно придумать новые слова, использовать описательные обороты или же прибегнуть к заимствованиям. Если в языке, на который мы переводим, отсут-

ствует какой-то важный грамматический прием, можно передать понятную информацию, содержащуюся в оригинале, иными средствами. В любом случае для Якобсона практика перевода (или иначе – «перекодирующая интерпретация») есть то, что позволяет нам найти выход из ситуаций, поначалу воспринимаемых как примеры языковой несоизмеримости.

Как можно видеть, Лотман понимает перевод шире и в некоторых существенных моментах – иначе, чем Роман Якобсон. В отличие от подхода Якобсона лотмановский подход к переводу основан на том, что я называю идеей продуктивной непереводимости²⁴. Прежде всего, в дополнение к трем классическим якобсоновским типам перевода Лотман фактически (хотя подчас и неявно) прорабатывает и другие возможности. Так, он обращает наше внимание на значимость *первичного акта выражения*, вербализации, текстового выражения любого непосредственно переживаемого опыта²⁵, а кроме того, пытается нащупать узловые моменты и типические ситуации семиозиса или, иначе говоря, множественных переходов из внесемиотического (или досемиотического) мира в семиотический, культурно опосредованный мир, и обратно²⁶.

Однако самым важным концептуальным отличием лотмановского подхода к переводу от якобсоновского была связь вопроса о *непереводимости* с вопросом о *непонимании*. Якобсон не тематизирует непонимание как отдельный момент и не вычленяет какие-либо хотя бы гипотетически положительные стороны непонимания. Лотман иначе смотрит на эти вещи: «“Понимаемость”, к которой мы так стремимся, – это один полюс; другой необходимый полюс – “непонимаемость”, потому что *непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность* (курсив мой. – Н. А.)»²⁷.

Таким образом, если Якобсон трактует «непереводимость» фактически как помеху коммуникации, устраняемую определенными процедурами, то Лотман усматривает в феномене непереводимости (или осложненной переводимости) продуктивный механизм культуры, который, затрудняя человеческое общение, делает это общение в конечном счете более насыщенным и более интенсивным, приводит к порождению новых культурных смыслов.

Кроме того, Лотман – единственный из известных мне исследователей, кто прямо связывает *познание с переводом*, ср.: «<...> мы начинаем познавать, описывать, *то есть переводить* на какой-то другой язык»²⁸. Лотман прямо уравнивает познание, описание и перевод, причем познавательный акт выступает как действие перевода: «<...> сама природа интеллектуального акта может быть

описана в терминах *перевода*, определение значения – *перевод* с одного языка на другой...»²⁹. Более того, Лотман трактует перевод как «универсальную научную задачу»³⁰.

Лотман выдвигает еще более сильный эпистемологический тезис, правда, формулирует его не очень аккуратно. Так, по мысли Лотмана, хотя языки лишь «ограниченно переводимы» или даже «взаимно непереводимы», «их взаимная *непереводимость* (...) является *источником адекватности* внеязыкового объекта его отражению в мире языков» (речь здесь, по-видимому, идет скорее об адекватности отражения объекту, нежели объекта отражению. – Н. А.)³¹. Но в целом эта мысль заслуживает особого внимания: свидетельством продвижения по пути познания, вопреки всем очевидностям, оказывается именно *непереводимость*: феномены непереводимости (если не воздвигать на их основе «идеологию непереводимости») вполне могут быть продуктивными в том смысле, что они способны стимулировать механизмы перевода и вообще интенсифицировать языковую артикуляцию реальности.

Вопрос об основаниях этих различий в якобсоновской и лотмановской моделях коммуникации и в трактовке механизмов перевода, на мой взгляд, не решается однозначно. Иногда спрашивают: почему Якобсон, который в своем раннем творчестве (например, в ранней трактовке идеи «языковых союзов») применяет едва ли не гумбольдтианские идеи, так далек от них в своей трактовке коммуникации? Можно предположить, что в основе концептуального творчества Якобсона пражского и американского периодов лежат разные эпистемологические модели и соответственно разные акценты в понимании коммуникации. Можно также предположить, что позднему Лотману пражский Якобсон был ближе, чем Якобсон американский, а та борьба с куйановской идеей «радикальной непереводимости», которая вполне могла бы лежать в подтексте якобсоновской трактовки перевода в 1960-е годы, для Лотмана неактуальна. Но все это пока лишь гипотезы.

Романтический «сциентизм»?

Прервем на этом месте изложение сходств и различий между якобсоновским и лотмановским подходами к коммуникации и переводу, чтобы ввести эти явные или неявные споры в контекст некоторых современных трактовок данных вопросов. Среди современных исследователей роль концепции перевода и непереводимости у Лотмана с удовлетворением отмечал, например, уже упоми-

навшийся В.М. Живов. И считал это проявлением лотмановского постструктурализма. Такая характеристика Лотмана достаточно типична. Так, принято считать, что структурализм в гуманитарных науках – это дела давно минувших дней и что Лотман интересен нам сейчас преимущественно как мыслитель, сумевший преодолеть свои структуралистские заблуждения (речь обычно идет о позднем Лотмане). Соответственно антитезой Лотману-постструктуралисту выступает ранний Лотман-«сциентист». Да и в целом суть концепций Лотмана и Якобсона определяется Живовым прежде всего как «сциентистская переформулировка гуманитарных наук»³².

Свою концепцию «сциентистской» науки – применительно к московско-тартуской школе и применительно к Якобсону – Живов проводит довольно широко. Относительно Якобсона он считает, что тот, видимо, искренне верил, что гуманитарные науки могут стать «настоящими» науками, и видел в семиотике пространство, в котором должна осуществиться эта трансформация. В связи с этим, полагает Живов, Якобсон и поддерживал «фантастические проекты», вроде асимметрии полушарий головного мозга. Он стремился реализовывать свои футуристические мечты и создавал нечто вроде фабрики, на которой мог считать себя «главным». И вообще, дескать, Якобсон мечтал о превращении гуманитарных исследований в «настоящую» науку, кроме всего прочего, еще и как организатор науки. Ему нравилось придумывать большие проекты, основанные на своего рода новых технологиях, например, на выявлении универсальных дифференциальных признаков в звуковом составе языка. Суть этого проекта заключалась в том, чтобы «переписать фонетику» в новых терминах. Эту затею Живов считал «не слишком сложной и в целом едва ли нужной». Ведь минимальный набор дифференциальных признаков основывался на идее инвариантности (наблюдаемое разнообразие сводилось к абстрагированному однообразию), тогда как абстрактный характер языкового механизма находил соответствие в безличной индустриальности лингвистической науки. Однако если так относиться к идее инвариантности, а тем самым и поиску закономерного, то неудивительно, что и понятие «наука» применительно к Лотману и Якобсону употребляется у Живова как бы в кавычках – наука есть то, что ныне находится под подозрением и нуждается в разъяснениях и дообоснованиях.

Не могу не отметить здесь, что моя позиция в отношении моих героев во многом противоположна тем, что чаще всего встречаются в наши дни. Мне представляется, напротив, что лотмановская и якобсоновская концепции структуры никогда не чурались не-

структурного, не исключали всего того, что в структуру не уместится. При этом важно, что неструктурное (например, «непереводимое» в ситуации постоянного культурного многоязычия у Лотмана) – это не мусор на фоне главного и магистрального. Совсем наоборот: именно неструктурное и непереводимое, находящееся за границами упорядоченных культурных миров, является местом поиска других структур, нам неизвестных. По сути, это отличает то, что Лотман называл «открытой моделью» культуры³³: она предполагает различные формы взаимодействия структурного (только более сложноструктурного) и неструктурного, переводимого и непереводимого, устойчивого и взрывного на тех или иных уровнях. Впрочем, не стоит упускать из виду, что механизмы устойчивого, повторяющегося – именно из-за их привычности – подчас труднее бывает уловить, нежели моменты яркой новизны, которые между тем становятся заметны лишь на фоне устойчивого. То же касается и Якобсона. Ему так же не нужно было становиться постструктуралистом, чтобы заинтересоваться динамикой структур. Свидетельств этому много. В целом представляется более осмысленным не производить Лотмана и Якобсона в постструктуралисты (которые, по сути, отказываются от понятия структуры), но сказать себе, что, видимо, пришла пора иного понимания структуры и ее динамики на всех уровнях.

Выше мы говорили о тематических моментах якобсоновского «романтизма», однако его следы можно видеть и на уровне того, что можно было бы назвать концептуальным стилем. Так, иногда возникает впечатление, что Якобсон не столько разворачивает свои индукции или дедукции, сколько оперирует заряженными квантами интеллектуальной энергии, которые, как магниты, притягивают к себе другие элементы и другие темы, образуя связки и кластеры. Якобсон почти никогда не писал больших книг, а исключения (например, написанная совместно с Линдой Во книга «Звуковая структура языка»³⁴) скорее подтверждают правило. Зато он всегда был готов к лекции, к докладу, к быстрой мобилизации всего багажа знаний ради поставленного вопроса. В его мыслительной кладовой, кажется, ничто не пропало, все ждало своего часа и оживало в новых контекстах. В текстах Якобсона заметна высокая степень повторяемости каких-то элементов и даже формулировок, но это не повтор тождественного, но контекстуальное преобразование данного применительно к новым задачам³⁵. Быть может, Якобсон не строил линейных и протяженных текстов именно потому, что хотел сохранить энергетический потенциал слов, образов, метафор, понятий, их готовность к новым взаимодействиям.

В самом деле, как побудить идеи, образы, темы двигаться, перемещаться, преобразовываться? Яacobсон, по-видимому, интуитивно понимал эту механику. Например, он, как уже отмечалось, не писал трактатов о диалоге, но уникально умел общаться с людьми – с предшественниками и современниками, с гуманитариями и естественниками, с художниками и поэтами, где бы он ни находился (в Москве и Петрограде, в Праге и Копенгагене, в Нью-Йорке и Париже). Он пропагандировал малоизвестных авторов (например, извлек из бездны забвения Бахтина и Выготского), неизменно подчеркивал свой долг перед теми, кого считал своими предшественниками (от Бодуэна до Пирса), писал десятки некрологов, причем писал на века – так, чтобы эти имена никогда не стерлись из нашей памяти. Не говоря уже о том, что он работал, причем постоянно, как несколько институций, вместе взятых, сочиняя программы и манифесты, организуя научные школы, журналы, семинары и конгрессы по всему свету. И конечно, черты его личности играли здесь свою роль.

А теперь вновь обратимся к тем образам, на которых строится заглавие, – «урок» и «экзамен». Вспомним, что согласно Лотману экзамен был уделом Яacobсона, и это был экзамен на причастность к сонму великих, урок же был уделом живущих, обязанных разгадывать мысль ушедшего. Мне бы хотелось иначе взглянуть и на урок, и на экзамен. И прежде всего устранить иерархию между небожителями и обычными людьми. И тогда *экзамен* предстанет как повседневное испытание жизнью, через которое проходит каждый, а *урок* – как нечто такое в наследии обоих героев, что может помочь нам выдерживать эти испытания.

Экзистенциальный рисунок внешнего поведения Лотмана и Яacobсона был разный, но в нем в обоих случаях присутствуют некоторые романтические мотивы – погони и бегства, столкновения с противником лицом к лицу и др. Так, один из наших героев убежал от растекавшейся по Европе смертельной угрозы фашизма и, к счастью, смог спастись; другой же долго воевал, долго был на передовой и потом советовал, если случится, идти на передовую, чтобы преодолеть страх. Один существовал как вынужденный космополит в процессе обживания все новых мест, пригодных для интеллектуальных занятий; вся жизнь другого жестко уместилась в границы советского периода (так, Лотман родился в 1922 г., в котором Съезд Советов в своей Декларации зафиксировал образование Советского Союза, а умер в 1993 г., в самом начале постсоветского периода), хотя и была прожита, как теперь иногда говорят, во внутренней эмиграции. При этом в их жизненных и познавательных установках было много общего. Фактически у обоих были свои способы побеждать челове-

ский страх, был свой юмор и оптимизм. Этот оптимизм крепился на чем-то одновременно и личном, и общезначимом. На чем же?

На днях я слушала беседу Якобсона с французским журналистом – это была запись так называемых «Архивов XX века». Журналист задавал вопросы, а Якобсон ярко и уместно отвечал. Так вот один из этих вопросов (замечу, типичный для любого французского журналиста) прямо касался политических позиций, участия и проч. в период его молодости. На что наш герой – с высоты своих 78 лет (дело было в 1974 г.) – предпочел ответить, переведя вопрос в иной план. Он сказал: эпоха моей жизни была эпохой огромных перемен, потрясений и переворотов, периодом катастроф, смятения. И в эту эпоху мы видели нашу задачу в том, чтобы закончить исследование, пока это еще возможно, чтобы стать интеллектуально вооруженными (*intellectuellement armés*)³⁶. У нас есть и более поздние аналогичные свидетельства, например, чешского периода: фашисты уже у ворот, а я еще не закончил того-то и того-то... никогда еще так не работал! Быть *intellectuellement armé* – это, по сути, военная метафора, хотя и стертая. И Лотман, который, как мы знаем, очень любил военные метафоры (полигоны, окопы, артиллерийская стрельба у него встречаются подчас в самых неожиданных местах), безусловно подписался бы под таким девизом. Ведь на первый план здесь выдвигается идея сопротивления хаосу, смятению душ – с помощью интеллекта, разума.

Оба наши героя – кто бы что бы ни говорил про их технологизм и сциентизм – высоко ставили моральный престиж и человеческое достоинство науки, что в наши дни далеко не само собой разумеется. Сейчас сама эта установка может выглядеть как несколько архаичное проявление романтизма. Но это скорее свидетельство мудрости тех, кто через многое прошел и научился беречь то, на чем выросла вся нововременная европейская цивилизация и без чего ее не будет (без опоры на науку у современного европейского человека не было бы ни целей, ни ценностей). В любом случае этот девиз – пусть романтический и уж никак не «сциентистский» – позволял им обоим не сторониться настоящего и не бояться будущего. И за этот урок бесстрашия в ситуации не нами выбранного жизненного экзамена мы должны быть им благодарны.

Примечания

¹ Он включен в том: *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 74–77.

² Там же. С. 74.

³ Там же.

⁴ По-видимому, это ошибка памяти: последний визит Якобсона в Москву состоялся осенью 1979 г., после знаменитого тбилисского симпозиума, который назывался «Международный симпозиум по проблеме неосознаваемой психической деятельности» (29 сент. – 5 окт. 1979). Попутно воспользуюсь поводом, чтобы отметить, что материалы этого симпозиума в трех объемных томах, озаглавленные «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», вышли за год до проведения симпозиума – в 1978 г. в тбилисском издательстве «Мецниереба», а поэтому во многих ссылках на симпозиум приводится дата – 1978. Участники симпозиума встречали Якобсона стоячей овацией во Дворце шахмат. Для меня участие в Тбилисском симпозиуме было счастливым шансом личного знакомства с Р.О. Якобсоном.

⁵ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 74.

⁶ Там же. С. 74–75.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ A Tribute to Roman Jakobson (1896–1982). Berlin; N. Y.: Mouton, 1983. P. 86–87.

⁹ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 75.

¹⁰ Gasparov B. Futurism and Phonology: Futurist Roots of Jakobson's Approach To Language // Jakobson entre l'Est et l'Ouest 1915–1939. Cahiers de l'ILSL. 1997. № 9. P. 109–130. Авторская версия этого текста на русском языке будет опубликована в томе «Роман Осипович Якобсон» из серии «Философия России первой половины XX века» (изд-во «РОССПЭН»).

¹¹ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 75.

¹² Живов В.М. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 17–27.

¹³ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 77.

¹⁴ Применительно к Якобсону мне ранее доводилось видеть противопоставление романтизма классицизму и у других авторов, например у В. Плуңгяна в его швейцарском докладе в честь столетия Якобсона (*Plungjan V. R.O. Jakobson et N.S. Trubetzkoy: deux personnalités, deux sciences? // Jakobson entre l'Est et l'Ouest 1915–1939. P. 185–194*). В антитезе «духа романтизма» и «духа классицизма» Якобсон и Трубецкой сопоставлялись здесь через идею закрытой, замкнутой системы у Трубецкого и открытой системы – у Якобсона. Правда, Плуңгян вводил в этой связи различие системного и структурного, что для нас сейчас не так важно. А важно то, что, согласно Лотману, Якобсон попадает в романтические ученые – со склонностью к открытой структуре или, как говорил Лотман применительно к идеям тартуской школы, – «открытой модели». Кстати, Лотман предложил модель противопоставления «классический – романтический» в статье «Две формы динамики» (*Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 120–122*). При этом он ссылался на В.М. Жирмунского, противопоставлявшего классическое искусство романтическому (первое направлено на создание законченного произведения искусства, подчиненного сво-

им особым законам, второе – на раскрытие души художника). В самой антитезе «классицизм – романтизм» у Жирмунского Лотман видел противопоставление двух стилей, но также принципиально разное решение вопроса «искусство и жизнь»: «Для нас важно подчеркнуть, что эти два типа модели культуры, по мнению Жирмунского, составляют универсальную константу, независимо от того, сменяют ли они друг друга или хронологически сосуществуют» (Там же. С. 120–121).

¹⁵ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 116.

¹⁶ Там же. С. 76.

¹⁷ В отличие от некоторых интерпретаций Лотманом Бахтина, когда, например, Лотман пишет об общении матери с младенцем или о взаимодействии полушарий головного мозга как о путях и формах научного развития идеи диалога. Разумеется, к диалогу в бахтинском смысле это не имело никакого отношения. Что же касается Якобсона, то он, кажется, специально не писал о диалоге – за рамками общелингвистической идеи диалога как обмена репликами, но прекрасно умел общаться с людьми. Сошлюсь в этой связи на уже не новую, но не потерявшую актуальности статью Цветана Тодорова, рисующую разноплановый контрастно-сопоставительный портрет Якобсона и Бахтина. См.: *Todorov Tz. Monologue et dialogue: Jakobson et Bakhtine // Acta Linguistica Hafniensia. 1998. Vol. 29. (R. Jakobson Centennial Symposium. Oct. 10–12, 1996)*. Относительно лотмановской интерпретации бахтинских идей см.: *Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд., испр. и доп. М.: СПб., 2014. С. 197–199.*

¹⁸ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 149: «Мы до сих пор считали, что непредсказуемости нет, по Гегелю, или же полагали, что, если она есть, она остается за пределами науки. Это давало нашей науке очень малое пространство, и, по сути дела, наука получала очень тощий отпечаток реальности. Непредсказуемое, случайное... механизм которого является одним из важнейших объектов науки, вводит совершенно по-новому в науку и роль искусства. Потому что если наука ориентирована на предсказуемость, то искусство было всегда ориентировано на непредсказуемость». И еще один интересный момент: поэтическая функция языка перестает быть привилегией языка литературы и становится принадлежностью любого языка. Лотман кратко поясняет это отношение так: обычно либо язык рассматривался как машина передачи сообщений, и тогда поэтический язык выступал как «странный уголок этой системы», либо творческая функция языка трактовалась как универсальная, и тогда поэтический язык толковался как наиболее представительная демонстрация языка как такового. Странником первого принципа был Соссюр, сторонником второго принципа – Якобсон, искусство с его духом интеграции разных сторон культуры было ему особенно близко (Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 161). Отметим, что хотя любовь к искусству явным образом объединяет Якобсона и Лотмана, увлекавшие их эстетические модели – раз-

ные: в частности, авангардное искусство в каких бы то ни было его формах не было близко Лотману.

- ¹⁹ «Одна из фундаментальных особенностей тартуской школы состоит в представлении о том, что мир не может иметь один язык и что реальность не описывается одним языком. Минимум – много языков. Можно даже предположить, что это число *открытое*» (Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 288).
- ²⁰ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 15.
- ²¹ Там же.
- ²² Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода (1966) // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 362.
- ²³ Там же. С. 363.
- ²⁴ Мне доводилось неоднократно писать об этом. См., например: Автономова Н. Проблема перевода в свете идеи продуктивной непереводаемости (по страницам работ Лотмана) // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера: Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.) Таллинн, 2011. С. 19–35; *Autonomova N. Le problème de la traduction et l'intraduisible dans la conception sémiotique de Lotman* // Glissements, décentrement, déplacement. Pour un dialogue sémiotique franco-russe / Sous la dir. de M. Costantini. P., 2013. P. 49–57. URL: http://www.bibliotheque-numerique-paris8.fr/fre/cms/Fonds/Colloques_de_Paris_8.html. В каталоге библиотеки Париж-8 постоянный инвентарный номер: <http://www.bibliotheque-numerique-paris8.fr/fre/ref/164239/COLN3/>
- ²⁵ Условием человеческой культуры выступают многообразные механизмы перевода: «само существование культуры подразумевает построение системы, *правил перевода непосредственного опыта в текст*» (Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 329; курсив мой. – Н. А.).
- ²⁶ «...мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время “играет” с внележащим ему пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы» (Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 30.)
- ²⁷ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 121.
- ²⁸ Там же. С. 287 (курсив мой. – Н. А.).
- ²⁹ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 17 (курсив мой. – Н. А.). Впрочем, трактовка определения значения как перевода свойственна и Якобсону – по-видимому, через Пирса.
- ³⁰ Там же. С. 386.
- ³¹ Там же. С. 13 (курсив мой. – Н. А.).
- ³² Живов В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения. С. 11.
- ³³ Ср.: «Если традиционно семиотический процесс был обращен к пространству одного языка и представлял замкнутую модель, то теперь, видимо, наступает время принципиально *открытой модели* (курсив мой. – Н. А.). Окно культур-

ного мира никогда не затворяется» (*Лотман Ю.М.* Тезисы к семиотике русской культуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 416).

³⁴ *Jakobson R., Waugh L.* The Sound Shape of Language. Brighton: The Harvester Press, 1979. (Более точный перевод заглавия: «Звуковая оболочка языка», «Звуковые очертания языка».)

³⁵ В известном смысле даже такое важное для него понятие, как «релятивистская инвариантность», навеянное новыми идеями теории относительности, – это тоже заряженный квант, который в разных контекстах может выступать как ресурс, готовый к развертке ввиду актуальной задачи.

³⁶ При обсуждении моего доклада Хенрик Баран заметил, что ответы Якобсона во время этой передачи не были спонтанными, так как вопросы были даны ему заранее, а потому в его ответах вполне могли быть и сознательные умолчания. Наверное, это так, однако мне кажется, что содержательную суть его ответа, равно как и иерархию значимости «политики» и «исследования», это обстоятельство не меняет; к тому же нам известны аналогичные его высказывания в других критических ситуациях.